

## МУЖСКОЕ И ЖЕНСКОЕ В ПРОСТРАНСТВЕ СНОВИДЕНИЙ: РАССКАЗЫ Л. ТОЛСТОГО «СОН» И «АЛЬБЕРТ»

Н. И. Кухтина

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 6 мая 2019 г.

**Аннотация:** в статье исследуется связь сновидения с «женским мифом» Л. Толстого. В сновидениях героев писателя, отражающих ключевые моменты духовного поиска и личностного развития, встреча с женским началом, соотносимым с образами матери и Богородицы, становится необходимым условием обретения истины.

**Ключевые слова:** Л. Толстой, «Сон», «Альберт», сон, сновидение.

**Abstract:** the article explores the relationship of a dream with the «female myth» of L. Tolstoy. In the dreams of the writer's characters, reflecting the key moments of spiritual search and personal development, the meeting with the female beginning, correlated with the images of the mother and the Virgin, becomes a necessary condition for finding the truth.

**Keywords:** L. Tolstoy, «Dream», «Albert», dream, dreaming.

Сновидение в художественном мире Толстого служит отражением внутреннего мира персонажа, его устремлений и духовных исканий, становясь вместе с тем одним из ярчайших средств художественного воплощения религиозно-философской концепции автора. Такие сны, символически представляющие образ мира, в котором герою предстоит обрести свое место, отличают творчество зрелого писателя, однако уже в ранний период Толстой обращается к сновидению подобного рода. Такое сновидение мы обнаруживаем в раннем произведении Л. Н. Толстого «Сон», где в наиболее концентрированном виде выражена связь сновидения с «женским мифом» писателя.

Основой замысла послужил сон, рассказанный братом писателя Николаем Николаевичем. Подтверждение тому находим в дневнике Толстого 1857 года: «Писал Николенькин сон. Никто не согласен, а я знаю, что хорошо!» [1; 21; 195]. В 1863 году после внесения некоторых изменений «Сон» отправлен в редакцию газеты «День», издававшейся И. С. Аксаковым, но был встречен отказом: «Этот “Сон” слишком загадочен для публики, его содержание слишком неопределенно» [2; 7; 362]. Содержание «Сна», показавшееся Аксакову «неопределенным», таково: герой, стоя на «белом, колеблющемся возвышении», обращается к огромной толпе с вдохновенной речью [2; 7; 117]. Но его восторг мгновенно уступает место чувству стыда, как только появляется таинственная женщина, молчаливо воспрепятствующая герою продолжать его самозабвенную речь. «Сон» в свернутом виде представляет путь духовного саморазвития личности, а образ таинственной в своей молчаливой естественной простоте женщины «становится <...> личным мифом» писателя [3; 46].

Значимы пространственные характеристики сновидения, выявляющие исключительность положения героя: он стоит на «возвышении»; в первой редакции — «высоко, выше всех людей» [2; 7; 118]. Таковы пространственные координаты мира, в котором первоначально существует сновидец, в своей гордыне возвысившийся над всеми. Но исключительность эта мнимая: неустойчивость, зыбкость его положения подчеркнута в тексте: «колеблющееся возвышение», «я стоял, колеблюсь» [2; 7; 117]. Герой упоен звуками собственного голоса и ослеплен осознанием своего избранничества: «Я ничего не видал, но чувствовал, что вокруг меня толпились незнакомые мне люди и все мои братья»; «Глаза мои не видели, но все глаза смотрели на меня» [2; 7; 117]. Отражая комплекс чувств героя, преобразуется образная ткань сновидения, наделяя сновидца исключительной силой, поднимая до уровня титана: «Когда я говорил, <...> по всему лесу пробегал ветер. <...> Когда я замолкал, море дышало. И море, и лес была толпа» [2; 7; 117]. Логика сновидения изобличает ложную природу такого величия. Фантастическая власть героя над толпой имеет и обратную сторону: «Я бы не мог устоять, ежели бы они не держали меня своими взглядами. <...> Они двигали мною, <...> как я двигал ими» [2; 7; 117]. Герой в той же мере находится во власти толпы, сколь и повелевает ею. В первой редакции отрицательные характеристики такого взаимодействия даны непосредственно: «Безумный восторг, горевший во мне, давал мне власть <...> Но временность и восторженность моего положения внутренне смущали меня» [2; 7; 118]. Во второй редакции Толстой уходит от прямых характеристик в сторону большей метафоричности и обобщенности, что придает сновидению притчевый характер.

Ослепление властью, опьянение восторгом, гордыня мешают герою разглядеть окружающих его людей, которые «все < его > братья». Герой не прислушивается к указывающему на его заблуждение голосу «внутреннего человека», причастного нравственной истине: «Один только голос во мне говорил: страшно!» [2; 7; 117]. Такой путь гибели, это подчеркнуто в тексте «Сна»: «Возвышение, на котором я стоял, колеблясь, поднимало меня все выше и выше. Еще немного, и все бы кончилось» [2; 7; 117]. Спасительным оказывается соприкосновение с женским началом, обладающим изначальной способностью видеть истину. В первой редакции внезапное появление таинственной женщины наделяет ее атрибутами Божественного: «Но вдруг среди восхитенной мною толпы <...> я почувствовал <...> неясную, но спокойную силу, настоятельно разрушающую мое очарование и требующую к себе внимания. <...> Я невольно оглянулся» [2; 7; 119]. Характерно это «вдруг», подготавливающее сюжетный поворот сновидения, указывая на сновидческое прозрение. Во второй редакции заостряется внимание на свойствах взгляда женщины из сна: «Я почувствовал чужой, свободный взгляд. <...> Я должен был оглянуться» [2; 7; 117]. Под воздействием этого «свободного» взгляда ослепленный и скованный своей мнимой властью герой обретает способность видеть: «Я увидел женщину, мне стало стыдно, и я остановился» [2; 7; 117].

Этот отрывок перекликается с аллегорическим сном героя «Путешествия из Петербурга в Москву». Герой А. Н. Радищева, во сне ставший правителем, окружен подобострастными придворными, опутан лживыми речами, ослеплен сиянием собственной славы и власти. Прозрение героя обусловлено встречей с Истиной, воплощенной в образе женщины, наделенной «говорящим» именем: странница Прямовзора снимает бельма с глаз монарха, буквально открывая тому глаза на бедственное положение народа.

Доминирующим в сновидении героя Толстого является чувство стыда — нравственный компас, указывающий на признание ошибочности избранного пути и осознание возможности измениться. «Чувства вины и стыда, по убеждению Толстого, даны человеку от рождения. Чувства эти могут ослабевать <...>, но они не исчезают бесследно, а переходят в область подсознания и таятся там до тех пор, пока те или иные обстоятельства не призвуют их к жизни» [4; 33]. «Обстоятельством», «призывающим к жизни» целительное чувство стыда, становится появление женщины в сновидении. Миф о собственном избранничестве рушится при соприкосновении с «женским мифом»: «Мне стало очень стыдно, я хотел опять колебаться и говорить, но слов не было. Я не мог обманывать себя» [2; 7; 117]. Так подготавливается духовное прозрение героя сновидения.

Таинственную женщину из сна отличает исключительное спокойствие и цельность, она олицетво-

ряет изначальное знание о мире, гармонию, к которой человек тянется всем существом: «Женщина спокойно пошла по середине толпы и не соединялась с нею. <...> Я не знал, кто она была, но в ней было все, что любят, и к ней сладко и больно тянула непреодолимая сила»; «Она была полна счастья. Ей никого не нужно было, и по этому я чувствовал, что без нее нельзя жить» [2; 7; 118]. «Этот образ становится каким-то личным мифом, его спасающим и карающим божеством» [3; 46]. ореол божественности подкреплен подчеркнутым отсутствием конкретных характеристик ее облика. В первой редакции находим: «В толпе, но не соединяясь с толпой, стояла женщина в простом уборе. Не помню ее одежды, не помню цвета ее глаз и волос, не знаю, была ли она молода и прекрасна; но я обрадовался, увидав ее» [2; 7; 119]. Из второй редакции исчезают даже такие неопределенные черты внешнего облика женщины, исключаются все свойства, которые могли бы указывать на ее земную природу. Внимание сосредоточено на ее взгляде, в котором заключена божественная сила: «Я смутно видел очертанья ее лица; но спокойный взгляд ее остался во мне. В ее взгляде была кроткая насмешка и чуть заметное сожаление. Она ничего не понимала из того, что я говорил, и не жалела о том, что не понимает, а жалела обо мне» [2; 7; 118]. Жалость и любовь, заключенные в этом взгляде, а также слезы, внимание на которых акцентировано в первой редакции, придает женщине из «Сна» сходство с Богородицей: «Я только на мгновение застал на себе ее ясные глаза, на которых готовились слезы. Во взгляде ее была жалость и любовь, на устах была легкая улыбка. В этом мгновенном взгляде я все прочел, и все мне стало ясно» [2; 7; 119]. Такое сближение не случайно, поскольку с образом Богородицы соотносится у Толстого образ матери, олицетворяющий любовь и святость. «Отношение к этому <...> идеалу <...> молитвенно» [3; 46]. Этим объясняется и подчеркнутая неконкретность облика женщины из «Сна».

Автопсихологичность «Сна» заставляет размышлять о том месте, которое женщина и связанный с нею миф занимают в произведениях писателя 1850 — начала 1860-х годов. Вписывая «Сон» в пространство раннего творчества писателя, К. А. Нагина отмечает, что «женщина, которую способны любить герои Толстого, <...> идеальна, и с высоты этой идеальности она жалеет мужчину <...>. В «Юности» и «Утре помещика» такая женщина является пока что плодом воображения героя, который через эротические переживания движется к идеалу «добра и красоты», восходя к томлению по Божественному. В «Двух гусаках» этот идеал воплощается в Лизе <...> В «Казках» — в Марьяне <...> Героиня «Семейного счастья» идеальна в начале повествования [5; 272–273].

Соприкосновение с женским началом становится отправной точкой путешествия автореферентных героев Толстого «к себе». Так и сновидец стоит

на пороге открытия истины, о чем свидетельствует являющееся мерилем духовного роста чувство стыда, разрешающееся в слезах: «Я <...> плакал о прошедшем, невозвратимом счастье, о невозможности будущего счастья, о чужом счастье... Но в слезах этих было и счастье настоящего...» [2; 7; 118]. В первой редакции: «Слезы эти были мне слаще прежних восторгов» [2; 7; 119].

Особую роль в ряду ранних произведений писателя играет повесть 1858 года «Альберт», заключительная сцена которой отсылает к «Сну». Близость настроений, повторяющиеся мотивы, обращение к «женскому мифу» в обоих произведениях говорят о том, что оба текста отражают глубинные переживания Толстого-художника. В видениях Альберта на грани сна и галлюцинации встречаем образ героя на «возвышении», лишенном устойчивости: музыка «поднимает избранника на такую высоту, на которой голова кружится и трудно удержаться», «на возвышенном стоял <...> Альберт и <...> играл на скрипке» [1; 3; 56]. Скрипка сделана из стекла и способна издавать звуки удивительной нежности и красоты. Играть на ней можно, лишь бережно прижимая к груди: так музыка льется из души Альберта, чистой и хрупкой. Но и в видении Альберта наступает мгновение ослепления гордыней: «Несмотря на то, что в зале никого не было, Альберт выпрямил грудь и, гордо подняв голову, стоял на возвышенном так, чтобы все могли его видеть» [1; 3; 57]. Сновидческое прозрение героя обусловлено внезапной встречей с женским началом, воплощенном в этом произведении в образе возлюбленной из воспоминаний Альберта: «Вдруг чья-то рука слегка дотронулась до его плеча; он обернулся и в полусвете увидел женщину»; «Она была та, <...> которую он любил <...> Она взяла его за руку и повела вон из залы» [1; 3; 57]. Под воздействием взгляда женщины отступает помрачение души, уступая место исцеляющему чувству стыда: «Она печально смотрела на него и отрицательно покачала головой. <...> Ему стало стыдно за себя» [1; 3; 57]. И слезы очищения, как в финале «Сна»: «Он чувствовал, что то невыразимое счастье, которым он наслаждался в настоящую минуту, прошло и никогда не воротится. “О чем же я плачу?” — спросил он у нее» [1; 3; 57].

«Сон», обнаруживающий связь сновидения с «женским мифом», представляет универсальную схему движения от упоения собственным избранничеством, губительного опьянения мнимой властью к исцеляющему и очищающему душу чувству стыда и христианского смирения. И особую роль в этом процессе играет женщина.

Своеобразие толстовского «женского мифа» наиболее ярко проявляется в сопоставлении с творчеством других русских классиков XIX века, И. А. Гончарова и И. С. Тургенева. «Женский миф» Гончарова и Тургенева характеризуется амбивалентными чертами, выявляющими «архетипическое представление

о двойственности женской натуры» [6; 115]. Облик женщины, выступающей персонификацией жизни, наделяется характеристиками, подчас ассоциирующимися с миром потусторонним. Так, в «Обрыве», где наиболее полно реализуется «женский миф» Гончарова, доминирует «русалочья метафорика» [6; 115], у Тургенева также обнаруживается «триада русалки-изваяние-змея» [6; 123]. И хотя внимание, как и в образе таинственной женщины из «Сна», акцентируется на описании взгляда, свойства его абсолютно иные: обманчивый «русалочий» взор, который «прозрачен настолько, что в нем ничего невозможно прочесть, и стеклянен, то есть лишен <...> игры и жизни», отличает героинь Гончарова, тогда как волшебный взгляд героини Толстого избавляет от губительного помрачения души и открывает истину [6; 115].

Сквозь облик героинь Тургенева проступает Неведомое, непроницаемое и враждебное человеку, а женское начало в творчестве Толстого соотносится с Божественным, молитвенным идеалом. Для Тургенева и Гончарова «женская душа <...> — нечто сразу и очаровывающее, и пугающее, и всегда ускользающе-загадочное», а в восприятии Толстого женское начало соотносимо с материнским, с образом Богородицы, возвышенным и чистым [6; 134]. Спокойствие, гармоничность, божественная полнота счастья и «любственное сожаление», присущие женщине из «Сна», становятся ключевыми характеристиками причастных «женскому мифу» героинь последующих произведений Толстого. И не случайно женское начало, служащее проводником истины, появляется в сновидениях героев: сон, являясь специфическим способом познания и самопознания, помогает разрешить стоящие перед сновидцем проблемы обретения своего места в мире через преодоление границ собственного «я». Проводником в мир, где каждое существо является неотделимой частью целого, является женщина. Так, в полусне-грезе Нехлюдова, героя «Утра помещика», представляется ему «русская головка его будущей жены» [1; 2; 370]; воспоминание о сестре возникает в сознании Николая Ростова, которого непреодолимо клонит «молодой детский сон»: «Наташа, сестра, черные глаза» [1; 4; 336]; в бреду князю Болконскому является Наташа, как «новый белый сфинкс», как ключ от тайны мироздания [1; 6; 400]; отсюда и метаморфоза во сне Нехлюдова, когда «немец-управляющий <...> сделался Масловой», а звучащие в сновидении слова Катюши становятся ориентиром для дальнейшего движения героя на пути к нравственному преображению, «воскресению» [1; 13; 221].

Женщина воплощает любовь, благодаря которой автореферентный герой Толстого способен ощутить свою причастность к общей жизни. С нею же связывается ощущение чего-то «прекрасного и благого», которое играет особую роль в процессе познания и самопознания персонажа, «трансформирующегося

в молитвенную медитацию» [7; 216]. А сновидения, в творчестве раннего Толстого призванные зафиксировать моменты открытия истины, как раз и обнаруживают взаимосвязь с «женским мифом» писателя.

#### ЛИТЕРАТУРА

1. Толстой Л. Н. Собрание сочинений в 22-х томах / Л. Н. Толстой. — М.: Худ. лит., 1978–1985.
2. Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений в 90 томах / Л. Н. Толстой. — М.: Худ. лит., 1928–1959.
3. Берман Б. И. Сокровенный Толстой: религиозные видения и прозрения художественного творчества Льва Николаевича / Б. И. Берман. — М.: Гендальф, 1992. — 207 с.
4. Ремизов В. Б. Роман Л. Н. Толстого «Воскресение»: концепция жизни и форма ее воплощения / В. Б. Ремизов — Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1986. — 163 с.
5. Нагина К. А. Жалость и соблазн: Пастернак versus Толстой / К. А. Нагина // Характерологические стратегии в русской литературе. — Воронеж, 2013. — С. 265–292.
6. Фаустов А. А. «Женский миф» // Фаустов А. А., Савинков С. В. Очерки по характерологии русской литературы: Середина XIX века. — Воронеж: Изд-во Воронежского педагогического ун-та, 1998. — С. 115–134.
7. Нагина К. А. Пространственные универсалии и характерологические коллизии в творчестве Л. Толстого / К. А. Нагина. — Воронеж: Научная книга, 2012. — 443 с.

*Воронежский государственный университет  
Кухтина Н. И., филологический факультет  
E-mail: kukhtina\_n@phil.vsu.ru*

*Voronezh State University  
Kukhtina N. I., Philological Faculty  
E-mail: kukhtina\_n@phil.vsu.ru*